

Когда Юн Шань вновь вернулся в комнату, Юн Ци уже проснулся, сидел на краю кровати и, склонив голову, искал носки.

Наследный принц, увидев это, не смог сдержать своих чувств и проговорил:

— Почему ты поднялся и ничего не сказал? Старший брат, ты что-то ищешь?

Они все эти дни обоюднo таили обиду [1] и совершенно ни о чём не говорили. Юн Шань, произнеся свои слова, крайне удивился. Увидев, что голова Юн Ци нервно склонилась, юноша сомкнул губы и больше ничего не сказал. Сердце тотчас же охватила грусть.

А в душе он подумал: «Из-за того лекарства, старший брат, боюсь, никогда не сможет меня простить».

Внутри всё сжалось и похолодело.

Притворившись безразличным, Юн Шань непринуждённо прошёл мимо.

Заранее приготовленные, совершенно чистые, сшитые из белоснежного и превосходного материала, длинные носки висели на сделанной из жёлтого палисандра вешалке.

Юн Шань взял носки, подошёл к кровати и, опустившись на одно колено, стиснул правую ногу Юн Ци, что опустилась на пол.

Держать в руках его пронизанные светом, белые, нежные, как раз выбравшиеся из постели, тёплые ноги было несказанно приятно.

Юноша с самого начала всей душой хотел помочь старшему брату, поэтому он охотно и в то же время смело подошёл, но только приступив к делу, Юн Шань посмотрел на белоснежную ногу, на которой не было ни малейшего изъяна.

Как только ступня Юн Ци оказалась в руках младшего брата, юношу словно обожгло, лицо охватил жар, будто Юн Шань держал не ногу, а его бьющееся сердце.

Юн Ци крепко стиснул зубы, с трудом подавляя собственную дрожь и продолжая тихо находиться в прежней позе.

Смотря сверху вниз, юноше всё было видно.

На лице этого младшего брата читалась бесконечная горечь, а душа была охвачена любовью и нежностью.

Если бы можно было так смотреть на него всю жизнь, то даже смерть была бы сладка.

Только лишь...

Он воспользовался доверием Юн Шаня и тайно выкрал письмо, спрятанное в ящике. Нельзя так жить.

Если младший брат узнает всё, тогда вся нежность и ласка исчезнут.

Он больше никогда не сможет поймать на себе такой глубокий взгляд Юн Шаня, и тот больше не будет им дорожить.

Горечь охватила душу, и Юн Ци тихо вздохнул.

Этот лёгкий вздох разбудил Юн Шаня, который всё ещё терялся в мыслях и, не осмелившись делать всё, что взбредёт в голову, молча помог старшему брату надеть носки.

Закончив с правой ногой, юноша взялся за левую.

Затем Юн Шань надел на ноги Юн Ци сапоги и шёпотом сказал:

— Готово.

Младший брат хотел спросить старшего, отчего тот только что вздыхал, но стерпел и в итоге промолчал.

Если бы Юн Ци задал встречный вопрос, почему он опаивал его лекарством, Юн Шань не знал бы, что и ответить.

Он был красноречивым, прочитав полностью «Шицзин» и «Шуцзин» [2], да и во дворце приём лекарств являлся привычным делом; если бы кто-то спросил его, то юноша с лёгкостью привёл бы несколько причин, лишая человека дара речи.

Только не Юн Ци.

Он не мог и слова вымолвить.

Чтобы Юн Ци постоянно одолевали такие мысли, чтобы он жаждал, непостижимо страдал и был охвачен желанным томлением.

Готовый отдаться без остатка, не взирающий на чувства.

Пусть даже его язык был хорошо подвешен, наследный принц всё равно не смог сказать ни слова.

Юн Ци поднялся с постели, и двое юношей в комнате застыли, глядя друг на друга, но так ничего не говоря.

Царила тишина, в которой, казалось, они слышали дыхание друг друга.

Следовало бы позвать слуг, чтобы они поухаживали за ними, однако эта мысль была противна как Юн Ци, так и Юн Шаню.

Наследный принц, слегка покашляв, серьёзно проговорил:

— Сегодня день такой ясный. Старший брат, выйдешь прогуляться?

Юн Ци покачал головой.

— В таком случае не хочешь попрактиковаться в каллиграфии?

Юноша так и не проронил ни звука.

Юн Шань украдкой посмотрел на брата и, заметив, что тот, по-видимому, немного колеблется, сказал, сдерживая горечь:

— Если мешаю, то могу уйти.

Юн Ци поменялся в лице, как будто немного удивился, к тому же появились недоверчивость и беспокойство.

Он с осторожностью посмотрел на младшего брата, словно боясь, что юноша действительно развернётся и уйдёт, и после небольшого промедления покачал головой.

Юн Шань ловил каждое движение Юн Ци, желая во всех этих молчаливых, неловких и задумчивых действиях увидеть хоть что-то. Когда юноша слегка покачал головой, сердце Юн Шаня неожиданно застучало, тая в себе маленькую, но зарождающуюся надежду.

Неужели...

«Неужели он не сетует на меня?»

От этих мыслей сердце быстрее забилося в груди. Пусть ещё ничего не ясно, но голова уже пошла кругом, и даже у такого человека, как Юн Шань, от напряжения пересохло во рту.

Немного поразмыслив, он молча стиснул зубы: «Лучше уж всё объяснить. Если только смогу исправить ошибку, то мы вновь помиримся и, каким бы суровым ни было наказание старшего брата, я безропотно приму свою судьбу».

После этих раздумий юноша медленно шагнул вперёд и, оказавшись перед Юн Ци, встревоженно прошептал:

— Старший брат...

— Старший брат, день такой ясный.

Одновременно со словами Юн Шаня прозвучал хорошо знакомый голос. Он был настолько громким, что затмил специально приглушённые и осторожные слова Юн Шаня.

«Этот маленький подлец вечно является в неподходящий момент!»

Юн Шань от злости заскрежетал зубами.

В дверях появился Юн Линь и, увидев двух старших братьев, спешно вошёл в комнату:

— Сегодня солнце еле-еле вышло. Хочет ли старший брат Юн Ци пойти погулять?

Сейчас, спешно явившись, юноша вёл себя вежливо.

Обычно, в такой редкий ясный и зимний день, он с утра пораньше кричал так, что его было слышно во всём дворце, и взволнованно метался, подстрекая других отправиться за город на зимнюю охоту.

После того как старший брат слёг от болезни, Юн Линь и впрямь стал вести себя намного скромнее.

Увидев появившегося брата, Юн Ци слегка изменился в лице, и подсознательно вместе с Юн Шанем отступил назад на пару шагов.

Всё же... он не смог признаться, глядя Юн Шаню в глаза, в собственных преступлениях, что разъедали душу, словно клубы дыма.

Только сейчас, когда он находился перед младшим братом, когда его сердце, подобно стреле, легло на тетиву и лук натянулся до упора, в этой обстановке Юн Ци уже готов был рухнуть на колени к ногам Юн Шаня и, вспомнив постыдные злодеяния, подробно рассказать о обо всём.

Что подвёл Юн Шаня.

Что использовал Юн Шаня.

Что, когда впервые отправился в Холодный дворец, он получил от матушки наказ так поступить.

Что всегда-всегда наслаждался чудесной лаской, которую младший брат дарил ему, однако со злым умыслом собирался предать его.

Что это он, воспользовавшись и отсутствием брата, и его заботой, любовью, и его драгоценными воспоминаниями, по своей воле открыл тайник и украл письмо Гун Ухуэя.

Ещё немного, и он, набравшись наконец-то храбрости, открыл бы рот и искренне признался в содеянном.

И неважно, каким бы было наказание потом.

Только разница невелика.

Юн Ци не знал, благодарить ли Юн Линя за столь внезапный визит или же, наоборот, злиться на него.

— Что случилось? — озадаченно спросил Юн Линь, посмотрев на странные выражения лиц двух братьев.

Невольно юноше пришлось вести себя осторожнее, чем раньше.

Увидев лица старших братьев, Юн Линю подумалось, что он снова навлёт на себя беду.

А может и нет.

— Ничего, — ответил Юн Шань, наконец-то придя в себя. Сделав паузу, юноша вновь проговорил: — В следующий раз, когда явишься, сначала поздоровайся. Уже взрослый, и хоть эта комната твоего родного брата, всё равно невежливо так врваться.

— Кто это не здоровался? Я в дверном проёме крикнул, когда приподнял занавеску... —

пробормотал себе под нос Юн Линь.

У каждого из братьев были свои мысли. Они стояли друг напротив друга с удручённым видом, да ещё чувствовали неловкость неизвестно от чего, поэтому каждый из них решил в ответ найти что-то, что могло бы его занять.

Юн Ци, подойдя к письменному столу, развернул свиток и рассеянно начал тренироваться в каллиграфии, а Юн Шань, не зная, о чём думает старший брат, также не осмелился больше чинить препятствий, отыскал уголок в комнате и сел дочитывать оставшиеся докладные записки.

Смутно чувствуя себя ненужным, Юн Линь всё же не собирался вот так уходить. Юноша не нашёл, чем можно было заняться, и, оглядев комнату, вспомнил, что раньше он хоть и капризничал, но старшие братья всё равно относились к нему с нежностью. А сейчас как получилось, что они смотрели на него с досадой? В носу защипало, а сам Юн Линь уже готов был разрыдаться.

Только это выглядело как и вправду заслуженное наказание.

Он не знал, будут ли и дальше старшие братья испытывать к нему отвращение.

Размышляя об этом, Юн Линь смотрел в потолок. Сейчас он не мог осмелиться шуметь и что-то ворошить. Было очень тягостно от того, что он сдерживал себя. Притихнув на какое-то время, юноша всё же не смог больше терпеть и подошёл к Юн Ци, желая помочь тому растереть тушь.

Однако старший брат мягко проговорил:

— Не стоит, я много писать не стану, так что немного туши для письма мне вполне достаточно.

Его бесстрастные слова подействовали на Юн Линя словно таз холодной воды, вылитый на голову.

Юноше ничего другого не оставалось, как подойти к читающему докладные записки Юн Шаню. Какое-то время посмотрев на него, он шёпотом спросил:

— Старший брат, матушка сегодня приходила?

— Угу. — Юн Шань поднял голову и окинул младшего брата-близнеца взглядом: — Как ты узнал?

— Услышал, как у ворот придворный евнух говорил, что ты, поддерживая матушку под руку, проводил её за дверь.

Юн Шань, помолчав, предположил:

— Матушке недавно было дурно, тебе следует отправиться и навестить её.

Юн Линь внезапно умолк.

Немного погодя юноша обнажил детское упрямство и зло проговорил:

— Она обманула меня, чтобы напоить старшего брата ядом, я... я больше не желаю осведомляться о ней!

Юн Шань посмотрел в его широко распахнутые и бронзовые, словно колокольчик, глаза, ясно понимая, что этот тигрёнок на протяжении всей жизни не узнает тех чувств, что сейчас охватывали его душу.

Наследный принц поднял уголки губ и, горько улыбаясь, пробормотал:

— Ты сейчас такой бестолковый...

И юноша поднял руку, сжимая докладные записки.

Хлоп! Он мягко похлопал Юн Линя по лбу.

Лоб юноши хоть и подвергся ударам, однако они были совершенно безболезненными.

Молодой человек, неизвестно почему, внезапно повёл себя достаточно легкомысленно, и Юн Шань, ударив его этими докладными, словно смог вернуть своего младшего брата на должное место.

Юн Линь пробормотал что-то себе под нос, поднялся на ноги и потянулся всем телом. Вновь сев на место, он посмотрел на Юн Шаня, который с захватывающим интересом читал докладные, затем недовольно пробурчал :

— Постоянно читать эти вещи... Не понимаю, есть ли какой-то в этом интерес?

Наследник престола вновь забавным и дружелюбным тоном без раздумья проговорил, поглядывая в докладные:

— Как ты, основываясь лишь на своём мнении, смеешь оценивать их? Разве эти вещи должны развлекать? Всё же объясню тебе, в чём заключается интерес. На северо-востоке прошёл обильный снегопад, который разрушил множество домов, и в императорский дворец тотчас же

поступили докладные, в которых министры доложили о случившемся бедствии. Теперь следует решить, скольким пострадавшим нужно оказать помощь, как успокоить людей, сколько предоставить еды, ещё нужно быть настороже, чтобы никто не воспользовался моментом и не присвоил серебро, выделенное на помощь пострадавшим. Если оказать незначительную помощь, то люди в лучшем случае замёрзнут и умрут от голода, а в худшем — из-за неспособности жить дальше могут поднять мятеж, и тогда императорскому дворцу будет сложно призвать народ к порядку. Как не стыдно! Ты всё же сын императора, и если страна попадёт в твои руки, то неизвестно, к каким последствиям это приведёт.

Сказав всего одну фразу, Юн Линь тотчас же подвергся мягкому нравоучению. От услышанного брови юноши чуть ли не завязались узлом, и Юн Линь, прикрывая рот, зевнул:

— Хорошо, старший брат, я осознал свою ошибку, ты преподал мне урок. Я не наследный принц, и если сейчас не понял сути, то и потом её не пойму.

Услышав в словах младшего брата скрытые желания, Юн Шань замолк, словно горло чем-то сдавило, и спустя мгновение равнодушно проговорил:

— Не понял, ну и ладно. Такому, как я, вряд ли посчастливится.

Согнувшийся над столом и тренирующийся в каллиграфии Юн Ци услышал эти слова, и ни с того ни с сего кончик кисти, что была в руках, задрожал, портя с трудом написанное слово. С преспокойным видом юноша отстранился от бумаги и, свернув её, выпустил из рук кисть.

Услышав непонятное, Юн Линь упорно моргал глазами и уже было хотел открыть рот, чтобы задать вопрос, как в комнату поспешно вошёл Чан Дэфу и, вытирая пот со лба, обратился к наследному принцу, докладывая:

— Ваше Высочество, как Вы и предполагали, действительно пожаловал наставник Ван. Ваш слуга уже попросил уважаемого старца пройти в гостиную.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «в сердце застряла колючка» (обр. в знач.: затаить обиду, питать злобу).

[2] Книги песен(стихов) и книги по истории. Книга песен Шицзин записана была уже после возникновения письменности. Шицзин датируется 2-1 тыс. до н.э., а Шуцзин - своего рода книга истории Китая. После сожжения книг в 213 г. до н.э., Шуцзин был частично (29 глав) записан со слов Фушэна (китайский мудрец) в 178 г. до н.э.